

Сергей Волконский

Былое – Фалль

*Часть сборника
Разговоры (сборник)*

Сергей Волконский

Былое – Фальшь

«Public Domain»

1911

Волконский С. М.

Былое – Фалль / С. М. Волконский — «Public Domain»,
1911

«— Так много в Фалле этого цветка, в бенкендорфском Фалле?
— Какого цветка? — Да того, красного, что древняя старушка
наказывала вспоминать... — Масса... По берегу реки, на скалах, у
ручьев около водопада...»

Сергей Волконский

Былое – Фалль

Князю Петру Петровичу Волконскому

Что сладко мне помнить, так это чудное место, где я родился.

- Так много в Фалле этого цветка, в бенкендорфском Фалле?
- Какого цветка?
- Да того, красного, что древняя старушка наказывала вспоминать...
- Масса... По берегу реки, на скалах, у ручьев около водопада...
- Водопад большой?
- Большой – не с камня на камень, а большой, настоящий, отвесный водопад во всю ширину реки.
- А река?
- До водопада тихая; в низких, мягких, зеленых берегах – черная, глубокая; а после падения – бурливая, шумящая, много пены.
- А ручьи?
- Журчат отовсюду, на поворотах, из-под кустов, будят, зовут, оглушают на каждом шагу.
- Парк?
- 54 версты дорожек. Лиственницы и каштаны самые великолепные, какие я когда-либо видел.
- Холмисто?... Ну, конечно, раз водопад.
- И холмисто, и скалисто.
- А водопад далеко от дома?
- Тут же, перед самой террасой.
- А куда река впадает?
- В море, – из окон видать.
- Послушайте, это декорация.
- Самая красивая, какую я видел. Вы знаете, я объехал кругом света.
- Неужели красивее Таормины?
- Конечно, если вы будете брать панорамы – Этну или Альпы, то, может быть, и... Да нет, это несоизмеримо. Там у ваших ног страна, города, железные дороги – государства. Здесь все, что видит глаз, все Фалль, кроме моря, все свое. И такого красивого «своего» я не видал.
- А дом?
- Дом готический. Конечно, фальшивая готика – николаевская эпоха, Штакеншнейдер.
- Да, как «готика» оно фальшиво, но как установившийся фальшивый стиль он очень «настоящ».
- Совершенно верно, и тем более дорог нам, что он последний у нас стиль; уж после этого ничего не было.
- А прибавьте к этому воспоминания...
- А прибавьте воспоминания! Ведь я вырос в этом. Понимаете, все, все готика – последняя скамейка в парке; каждое кресло в доме – маленький Миланский собор. И все насыщено воспоминаниями, не моими личными – это само собой, – а воспоминаниями... я не смею сказать историческими, но...
- «Хроническими»?

– Ну да, вы понимаете. Ведь хроника такого дома, как бенкендорфский, есть нечто большее в смысле близости к истории, чем семейная хроника какой-нибудь дворянской семьи, жившей «у Харитонья в переулке». Тут вся царская семья того времени, короли и королевы, конгрессы, коалиции, свидания. Все либо прошло, либо оставило свой дух. Начиная с очаровательного портрета Марии Феодоровны...

– А почему эта близость с императорской семьей?

– Да ведь мать Бенкендорфа была подруга Марии Феодоровны – Анна Шиллинг фон Канштадт, которую она привезла из Момбелиара.

– Знаменитая Тилли?

– Ну да, которую Екатерина Великая приказала водворить на прежнее место жительства, а Мария Феодоровна выдала за Христофора Бенкендорфа и тем вернула в Петербург.

– Так, так. Этот Христофор, отец знаменитого, был знаменит своей рассеянностью.

– Он самый. Однажды в Риге, где он губернаторствовал, Павел I сказал ему, что он у него будет обедать: Бенкендорф совершенно забыл; в последнюю минуту вспомнил. Готовить целый обед было немыслимо; он послал по всем знакомым просить каждого прислать по блюду. Приносят блюда, поднимают крышки – под каждой крышечкой жареный гусь. Дело было осенью, и для царственного гостя каждый постарался приготовить то, что по сезону было самое лакомое. Когда моя бабушка кончила свой об этом рассказ, я не преминул, как и все дети, спросить: «Ну и что?» Но что было после, бабушка не сказала.

– Как досадно, когда обрывается. Сколько в детстве таких бальзаминовских снов, которые «хочется доглядеть».

– Ну уж это когда уснем навсегда, тогда, может быть, доглядим.

– Так что же вы говорили про портрет Марии Феодоровны?

– Да. Так в Фалльской башне висит прелестный пастель, к сожалению, без подписи, портрет, писанный в Версале, когда они ездили в гости к Людовику XVI. Тилли их сопровождала, у нее как-то сделалась сильная головная боль; королева прислала ей чашку шоколада и просила сохранить на память. Чашка Марии Антуанетты в Фалле: прелестная севрская чашка, по темно-зеленому фону желтое плетение с цветами.

– Интересный архив?

– Так себе, и не обширный. Он весь вмещается в небольшом бюро, в той же башне. Бюро с вензелем Марии Феодоровны – подарок императрицы. Исторического почти ничего. Пять писем Николая I, адресованных в Фалль. Совершенно частного характера, но прелестные по дружественности тона. Начинаются – «*Chez ami*», кончаются – «*Кланяюсь в ножки Вашим дамам*». В одном из них он извещает, что умер «этот славный Сукин». Это тот Сукин, который был комендантом, когда декабристы сидели в крепости.

– Это не тот, к которому раз в Зимнем дворце, в какой-то царский праздник, пока он у одного из окон, выходящих на набережную, ждал, чтобы началось многолетие, подошел какой-то шутник и спросил: «Как это вы делаете, что всегда у вас пальба с крепости попадает на самое многолетие?» – «Как делаю? Очень просто», – и, вынув платок из кармана, махнул в окно. Грянула пальба, чуть не во время Херувимской... Ну а «Кланяюсь в ножки Вашим дамам» – это, конечно, значит – графиня Бенкендорф и дочери?

– Очевидно. Вы знаете, что старшая дочь, Анна, впоследствии графиня Аппони, была первой публичной исполнительницей нашего гимна? На одном патриотическом концерте в Дворянском собрании «Боже, царя храни» было исполнено в первый раз. Исполнял хор, но начинал запевало; вот она была запевалой. У нее был изумительный голос, она была прекрасная музыкантша, чудного роста и сложения и ослепительной красоты, несмотря на то, что косила. Я ее видел в последний раз в Венгрии, в имении ее сына, за два года до кончины. Ей было 85 лет, она потеряла зрение, но была удивительно свежа умом и детски свежа духом. Она любила мои приезды, потому что с кем же из окружающих могла она «вспом-

нить» Петербург? И какой непохожий то был Петербург! «Ну а скажи мне, выходы в Зимнем дворце все бывают?» – «Бывают, тетушка, раза три в год». – «Как – три раза? Да в мое время пятнадцать раз в год. А в Страстную пятницу дамы в черных тренах. И, приложившись к плащанице, надо было обернуться и сделать низкий реверанс государю и императрице и другой – великим княгиням». Не только другой Петербург, другая Россия раскрывалась из ее рассказов или, вернее, вовсе никакая не раскрывалась: вся Россия была для них Зимний дворец, Петергоф и Фалль; иногда бабушкино харьковское имение – «се cher Vodolague». Какая-то смесь вольного воздуха высоких вершин и узкой, но далеко не сухой семейно-придворной замкнутости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.